

А. В.

П.

РАСПАД ИДЕОЛОГИИ.¹

("Современная немецкая мысль". Сборник статей. Перевод с немецкого. Под редакцией В. Коссовского. Дрезден. Издательство "Восток". 1921 г. 203 стр.) В сборник вошли статьи Генриха Мана, Эрнста Блока, Теодора Дейблера, Поля Эрнста, Генриха Кайзерлинга, Освальда Шпенглера, Карла Каутского, А. Эйнштейна, - словом, собраны писатели самых разнообразных направлений, от мистика Кайзерлинга до нового члена немецкой коммунистической партии проф. Эйнштейна. Это не статьи в общепринятом смысле, а отрывки, отдельные главы из наиболее характерных для того или иного автора работ. Несмотря на то, что духовный облик писателей различен, у читателей создается одно целостное впечатление.

В статье "Машинное сердце" Поль Эрнст осуждает западно европейскую цивилизацию, ищет "иных берегов" и находит.

Где это новая земля обетованная?

- До войны всеобщим козлом отпущения считался капитализм. Весьма возможно, что облегчения начнут искать в системе государственного социализма; мы, однако, и теперь уже видим, что на этом пути никаких существенных изменений достичь не удастся, - жизнь только обогатится новым рядом тягостных осложнений и условий. Мы должны уяснить себе, что причиной страданий человечества являются не учреждения, а порождающие эти учреждения воззрения.

Китай кишит людьми и притом людьми ловкими, послушными, надежными, умными и невзыскательными, из которых вышли бы превосходнейшие фабричные рабочие. В Китае есть столько богатых людей, что раздобыть денег на какие бы то ни было цели не составило бы ни малейшего труда.

В Китае имеются угольные копи, залежи железной руды, каналы его представляют самое дешевое и доступное средство сообщения. Почему же в Китае давно уже не обосновался капитализм? А по той простой причине, что китаец любит и чтит земледельческий труд, всегда может раздобыть себе нужный ему клочок земли и производить на нем все то, что ему, при его скромных потребностях, необходимо. Если бы те же взгляды царили в Европе, то не только оказалась бы лишней эта ужасная война, но Европа имела бы пред собой счастливую и спокойную будущность (стр. 62).

Умерить, урезать свои потребности, возвратиться к "нравственной максиме" китайцев - вот выход из тупика европейской действительности. Если Поль Эрнст ищет выхода из тупика за китайской стеной, то Генрих Кайзерлинг обрел его на берегах Ганга

---

¹ «Красная новь», №1, 1921 г., с. 302-304.

и в... Троицко-Сергиевской Лавре под Москвой.

Божество нужно искать на берегах Ганга. Индусы в течение тысячелетий чтили это место как святыню: "в силу этого, благодаря чудодейственной мощи веры, оно действительно стало святым".

Кайзерлинг убежден, что "психическая атмосфера" несомненно представляет собой объективную действительность. Повидимому, предполагает немецкий философ, дело сводится к колебаниям какого-то "эфира", во всяком случае к вибрациям вещественного характера.

"Мысли несомненно являются "вещами" в такой же степени, как и предметы внешнего мира... "Дух времени" есть нечто не менее объективное, чем физическая атмосфера. Если бы представления не содержали в себе ничего вещественного, они не могли бы заражать" (стр. 93).

Утвердившись в положении, что "психическая атмосфера" - вещественного характера, Г. Кайзерлингу нетрудно почувствовать присутствие божества не только на берегах

#_303

Ганга, но и в Троицко-Сергиевской Лавре. "Между множеством паломников, которых я встретил, с одной стороны, у берегов Ганга и, с другой стороны, в Троицко-Сергиевской Лавре, несомненно существовало лишь вероисповедное различие... Да, Россия, простая сермяжная Россия, является ныне, пожалуй, единственно близким к богу христианским государством..." (стр. 100).

Кайзерлинг критически относится к протестантизму, более благосклонен к католицизму, но "суть вещей" постиг, по его мнению, только индуизм. "В католической церкви глубокомысленные заветы продолжают жить в искаженной форме, в индуизме же - в их истинном понимании. Индусская религиозная и обрядовая философия является богатейшим кладом психологическо-метафизической мудрости" (стр. 105).

Главная заслуга индуизма в том, что он знает, "что ко всякому вероисповеданию следует подходить только с масштабом прагматизма. Абсолютная истина, для того чтобы стать доступной человеку, должна, конечно, быть облечена в какую-либо форму... но форма эта всегда исходит от человека, представляет собой лишь земной сосуд" (стр. 111). "Божественное всегда открывается человеку в рамках его истинных предрассудков" (стр. 112). "Ни одна форма не адекватна божеству" (стр. 121).

Таким путем перекидывается мост от современных философских построений прагматизма и бергсонизма к первобытному индуизму и к Троицко-Сергиевской Лавре. Еще недавно, до войны, велись страстные споры о понимании прагматизма, при чем находились люди, пытавшиеся соединить прагматизм с марксизмом, выдавая первый за дальнейшее "углубление" марксизма. Время разрешило этот спор, поставив точки над і. Можно как угодно относиться к религиозно-философской концепции Кайзерлинга, но нужно же согласиться, что его прагматизм ничем существенным не отличается от прагматизма семинарских учебников второго класса (см. нравственное богословие). Не даром так близка Кайзерлингу Троицко-Сергиевская Лавра.

Конец статьи посвящен выпадам против разума. "Там, где разум становится доминирующим началом души... она утрачивает свою прежнюю способность непосредственного реализации своей сокровенной сущности... и становится поверхностной" (стр. 122).

Поль Эрнст смотрит с надеждой на Китай, Кайзерлинг - на Троицко-Сергиевскую Лавру, Освальд Шпенглер никуда не смотрит. В главе "Философия будущего", взятой из его нашумевшей недавно книги "Der Untergang des Abendlandes", он больше констатирует.

Западно-европейская цивилизация в периоде упадка - вот общий вывод Освальда Шпенглера. В частности относительно философии Шпенглер утверждает, что ей осталась одна возможность - скептицизм. "Систематическая философия получила свое завершение с исходом XVIII столетия. Кант придал ее предельным возможностям великую и для западно-европейского духа во многих случаях окончательную форму. За этой систематической философией, как в свое время за философией Платона и Аристотеля, следует специфически столичная, не спекулятивная, а практическая, иррелигиозная этически-общественная философия. Она начинается, соответственно Зенону и Епикуру, Шопенгауером" (стр. 167). Эта философия находит своих адептов в лице Ницше, "гегельянца" Марксе, в "мальтузианца" Дарвине. Но и она "исчерпала цикл истинных философских возможностей" (стр. 168).

"Систематическая философия нам теперь бесконечно далека, этическая же завершена. Остается еще третья, соответствующая эллинскому скептицизму" (стр. 168).

В отличие от эллинского скептицизма, который неисторичен, - современный скептицизм насквозь психологичен и историчен. "Он исходит из понимания всего в относительном смысле, в качестве исторического феномена... Скептицизм... разлагает картину мира предшествовавшей культуры. Все прежние проблемы превращаются тут в проблемы генетического порядка... всякое вообще явление... должно быть и выражением чего-то живого. В ставшем отражается становление. В старой формуле *esse est percipi* сквозит первобытное ощущение, что все существующее должно стоять в решающем отношении к живому человеку и что для мертвого ничего здесь более не существует.

Но "покинул" ли он мир, свой мир, или упразднил своей смертью его существование? Вот в чем вопрос!

#_304

Ответ на этот вопрос дается непосредственным чувством жизни, для которого "вся картина окружающего мира есть лишь функция самой жизни, зеркало, выражение, символ живой души... Морфология мировой истории необходимым образом становится универсальной символикой..." (стр. 170).

Мир превращен в символ. Для каждого - своя истина. Это - очень удобная, покладистая точка зрения и действительно скептическая до конца. На примере Кайзерлинга мы видим, куда это ведет. Круг развития завершен. Распад идеологии на-лицо.

Останавливаться на скучной, серой статье Каутского не имеет смысла. Что касается статьи проф. Эйнштейна, то редакция журнала в следующем номере даст специальную критическую оценку теории относительности Эйнштейна.

В заключение можно пожелать, чтобы наш Госиздат при первой же представившейся возможности последовал примеру дрезденского книгоиздательства "Восток". Нам думается, что коммунизм получит в этих изданиях значительное наглядное подкрепление, особенно, если подобные издания снабдить дельными критическими статьями.